

Статья была прямо обращена к «чувствительному человеку», которому трудно найти подобных себе по «сердцу и чувству», в утешение которому остается только чтение «отборных» английских романов и «уединенная беседа с самим собою».

Такой «чувствительный» читатель еще существовал в конце 20-х годов XIX века. Ярким примером этого и является Ф. Н. Глинка. Восхищаясь слогом Н. М. Карамзина и В. В. Измайлова, он писал: «Пусть кричат умопоклонники, пусть выхваляют свой правильный, сухой и холодный слог, я придерживаюсь сердца и повторяю одно и то же: с ума сойти можно, а с сердца никогда».³² Именно такому читателю Измайлов предлагает романы Ричардсона, Филдинга и Голдсмита.

Большая часть статьи посвящена Ричардсону. Ему отдается приоритет перед Филдингом и другими английскими авторами как писателю более глубокому и нравственному. Сравнивая роман с историей с точки зрения их полезности для воспитания нравов, автор отдает предпочтение роману, считая историю сухой. Романы же, но романы нравоучительные, «могут питать душу постоянным образом, согреть ее теплотою умеренною, которая приводит не в распаление, но в умиление. Ричардсон есть Корнель сего рода. Где почерпнем лучшую Философию нравов, как не в его романах? Как душа моя возвышается, смягчается и добреет, так сказать с Клариссою!»³³ Несколько страниц посвящено анализу образа Клариссы, анализируется сцена в притоне Сен-Клер. Среди всех английских романов предпочтение отдается романам Ричардсона.

Здесь же Измайлов помешает, по-видимому, собственный перевод еще не известного русскому читателю «Письма Ричардсону от супруги Клопштока».

Продолжая следить за европейской критикой в отношении жанра романа, Измайлов публикует в «Русском зрителе» (1828) переведенные им отрывки из предисловия только что вышедшего тогда романа В.-Ж.-Э. Жуи «*Cécile ou les Passions*», которые, на его взгляд, содержали «новые мысли и мнения» о романах, причем выбирает он отрывки, посвященные анализу творчества Ричардсона и В. Скотта. Проблемы, поставленные в этом предисловии, отражали содержание литературного процесса 20-х годов XIX века.

Конец 20-х годов XIX века — время угасания сентиментальной повести как жанра. Как отмечают исследователи, в прозаических опытах этого периода ощутимы новые тенденции, которые получили полное развитие в литературе следующего десятилетия. Проза усваивает опыт романтической поэмы, т. е. новый тип повествования. «Новые по сравнению с сентиментальной повестью композиционные принципы, новый герой позволили сделать ее отражением передовых умонастроений в эпоху, когда именно идейные искания стали определяющей приметой общественной жизни страны».³⁴

³² Письмо Ф. Н. Глинки к Измайлову. 1827 г. 10 янв. Петрозаводск // Московский обозреватель. 1877. № 16. С. 417.

³³ Российский музей. 1815. Ч. 4. С. 111.

³⁴ Петрушина Н. Н. Проза второй половины 1820-х—1830-х гг. // История русской литературы. Л., 1981. Т. 2. С. 501.